

Чу Цзюсюй сказал: У Тао Ехуна нет изъянов, в его доме нет никаких сомнительных личностей, да и госпожа Тао — женщина рассудительная и добрая.

Чу Юань присела рядом с Чу Цзюсюем: А дядя все еще чем-то недоволен?

Чу Цзюсюй хмыкнул: Все хорошо, вот только матушка семейства Тао — персонаж, вызывающий крайнее раздражение.

Она чем-то успела прогневать дядю? — спросила Чу Юань.

Чу Цзюсюй издал звук, похожий на цоканье: Когда я был маленьким, то носил обноски. На одном банкете по случаю любования цветами я столкнулся с этой старухой. Она не только обозвала меня нищим, но и приказала вышвырнуть из поместья. Ни капли достоинства, подобающего женщине с титулом второго ранга, а уж язык у нее был ядовит — скверная особа. Лишь благодаря уговорам госпожи Тао я тогда спасся.

Чу Цзюсюй умолчал о том, что после этого случая старый слуга, приставленный к нему, жестоко его наказал, заперев на двое суток. Без еды и возможности выйти из поместья он проголодался до полусмерти.

Чу Юань улыбнулась: Оказывается, дядя тоже умеет быть таким злопамятным.

Чу Цзюсюй поправил ее: Тебе следовало сказать: оказывается, дядя умеет быть таким великодушным. Старая госпожа Тао ведь до сих пор жива и здорова.

Да-да, дядя самый великодушный, — поддакнула Чу Юань.

Чу Цзюсюй спросил: Так что ты думаешь по этому поводу?

Улыбка на лице Чу Юань поблекла: В каждой семье свои трудности, разве найдешь на свете идеальный дом? Мой статус великой принцессы Чуцзин говорит сам за себя. Даже став внучатой невесткой в доме Тао, пока старая госпожа в здравом уме, она не посмеет меня притеснять. А пока вы с Его Величеством живы, семья Тао не посмеет проявить ко мне пренебрежения.

Боюсь, если старая госпожа Тао не в своем уме, ведь она не родная мать Тао Нина, то к тебе она может быть недружелюбна, — заметил Чу Цзюсюй.

Если старуха не соображает, что к чему, госпожа Тао всегда остается рассудительной, — улыбнулась Чу Юань. — Дядя, вы плохо осведомлены о жизни женских покоев. Главная опора женщины там — вовсе не любовь свекрови или мужа, а собственная семья. Пока за спиной сильный род, кто посмеет тебя обидеть?

Раз ты все понимаешь, то хорошо. Через несколько дней день рождения вдовствующей императрицы, тогда я познакомлю тебя с Тао Ехуном. Если не понравится — выберем другого, — сказал Чу Цзюсюй. — Я не спешу выдавать тебя замуж.

Дядя не спешит, а бабушка — очень даже, — парировала Чу Юань. — К тому же Его Величеству скоро шестнадцать, пора и ему присматривать невесту. Если он определится, а племянница так и останется в девках, это будет некрасиво выглядеть со стороны.

Чу Цзюсюй ничуть не обеспокоился: Подумаешь, пусть Его Величество подождет пару лет, от этого он не перестанет быть женихом.

На душе у Чу Юань потеплело: Дядя, только не говорите этого Его Величеству, а то он снова спросит вас, кто важнее — племянница или он сам.

Если бы он был хоть наполовину так же рассудителен, как ты, — вздохнул Чу Цзюсюй.

День рождения великой вдовствующей императрицы наступил в одно мгновение. С самого утра во дворце царило оживление, словно само дыхание жизни смыло застой, царивший в гареме.

На лице вдовствующей императрицы Чжоу наконец-то появилась улыбка. Узнав о провале мятежа Чу Фэна, вдовствующая наложница Чжоу покончила с собой, выпив отравленного вина, не оставив ни одной зацепки, которая могла бы скомпрометировать Чу Фэна. Вместе со старым хоу и Чжоу Цзышу вдовствующая императрица Чжоу лишилась сразу троих кровных родственников.

Жэнь-ванфэй в этот раз согласилась покинуть резиденцию и приехать во дворец на торжество. Ей было за пятьдесят, но благодаря хорошему уходу она выглядела моложе сорока. Ее красивое лицо, тронутое тонкими морщинками, оставалось холодным, как лед.

В свое время она считалась первой красавицей Чуцзин, и внешность ее была безупречна. По сравнению с императором Чэнсюанем, Чу Цзюсюй был куда больше похож на нее, даже превосходя в красоте на три доли. Быть может, именно поэтому она так неохотно выходила в свет: Чу Цзюсюй был слишком на нее похож.

Увидев ее, великая вдовствующая императрица с тревогой в глазах и легким покраснением век махнула рукой, приказывая служанкам удалиться, оставив рядом лишь Чу Юань: Как ты жила все эти годы?

Очень хорошо, — ответила та, опускаясь на стул. — Живя одна в покое, как можно чувствовать себя плохо?

Они были не просто родственницами, но и подругами в юности. Великая вдовствующая императрица не пользовалась благосклонностью императора Чэнсюаня и рано овдовела. У них

было о чем поговорить, она часто бывала во дворце, и ночевки там стали привычным делом.

Однажды, изрядно выпив вина, она по воле случая провела ночь с императором Чэнсюанем, после чего больше никогда не ступала во дворец, а с великой вдовствующей императрицей виделась редко, не говоря уже о душевных беседах.

В следующем году ему будет двадцать восемь. Он не хочет жениться, и я не могу его заставить, так и тянется все это время. Скоро он придет вместе с Его Величеством просить благословения, хочешь взглянуть? — спросила великая вдовствующая императрица.

Пусть будет так. Раньше я с ним плохо обращалась, очевидно, он сам не хочет меня видеть, — холодно ответила она. — Встреча лишь принесет лишнюю боль.

Чу Юань, слушая этот разговор, пришла в ужас. Она знала, что Чу Цзюсюй несколько лет жил в резиденции Жэнь-ванфэй, но никогда не видела ее и не знала о их связи. Когда она впервые поняла, кто перед ней, сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Впрочем, пережив мятеж, Чу Юань повидала немало бед и довольно быстро взяла себя в руки.

Великая вдовствующая императрица вздохнула: Тот ребенок, хоть и был шаловлив, всегда оставался почтительным. По-моему, он не держит на тебя зла, это ты сама не хочешь с ним встречаться.

Возможно, — не стала спорить она. — Так будет лучше для всех. Позволь мне прожить несколько лет в покое. Я пришла лишь ради тебя, видеть кого-то еще нет желания.

Что ж, раз так, не будем видеться, — не стала настаивать великая вдовствующая императрица. — Захочешь — я устрою вам встречу.

В этот момент вошли Чу Цзюсюй и Чу Лань: Сын приветствует матушку.

Внук приветствует бабушку.

Великая вдовствующая императрица кивнула: Садитесь.

Чу Цзюсюй занял свое место и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Подняв голову, он увидел лишь колышущиеся жемчужные занавеси, за которыми уже никого не было. Он отбросил прочь лишние мысли — не могла же бабушка ради его женитьбы устроить здесь смотрины.

Недолго пробыв в покоях, Чу Цзюсюй вместе с Чу Ланем и Чу Лин ушел.

Жэнь-ванфэй вышла из-за занавеси. Ее лицо по-прежнему оставалось холодным, а глаза покраснели. Чувства, которые она испытывала к Чу Цзюсю, были сложными: любовь и ненависть переплелись воедино. Наверное, с возрастом, когда вокруг другие нянчат внуков, она все чаще ощущала пустоту в своем опустевшем дворце.

Великая вдовствующая императрица вздохнула: Я ведь знала, что на словах ты тверда, а в душе все равно хочешь его увидеть.

Почему он до сих пор не женат? — спросила Жэнь-ванфэй.

Я хотела выбрать ему достойную девушку, но он не хочет! — ответила великая вдовствующая императрица. — В императорской семье он самый видный жених, очередь из желающих выйти за него красавиц опоясала бы дворец. Но каждый раз он находит предлог, чтобы отказаться.

Пусть живет, как хочет. Если не хочет жениться — не надо. Спасибо тебе, что все эти годы так заботилась о нем, — Жэнь-ванфэй опустила глаза, скрывая свои чувства.

Ну что ты говоришь такое? Не говоря уже о наших отношениях, он был дорог покойному императору, я не могла оставить его без присмотра, — недовольно ответила великая вдовствующая императрица. — Хоть мы и не виделись столько лет, ты стала со мной такой отчужденной.

Жэнь-ванфэй ответила сухо: Родишь, но не воспитаешь — этот долг я все равно должна тебе вернуть.

Ты всегда была со своим характером, делай как знаешь. Банкет скоро начнется, ты правда не пойдешь?

Нет, — Жэнь-ванфэй поднялась. — Я поброжу по твоим боковым покоям.

Великая вдовствующая императрица не стала настаивать — из-за Чу Цзюсю положение Жэнь-ванфэй было крайне неловким.

Тао Нин привел Тао Ехуна в главный зал и опустился на колени: Подданный приветствует Его Величество и регента.

Простой люд приветствует Его Величество и регента.

Вставайте, — взгляд Чу Ланя остановился на Тао Ехуне.

Тот не отличался выдающейся внешностью: черты лица мягкие, на устах всегда улыбка, словно он добряк. Но Чу Лань ни за что бы не поверил, что Чу Цзюсю выбрал бы в зятя простого

добряка.

Чу Лань кивнул Чу Цзюсюю: Дядя, вы спрашивайте.

Чу Цзюсюй отвел взгляд: Господин Тао, я хотел бы поговорить с вашим сыном.

Слушаюсь, — Тао Нин, уходя, бросил Тао Ехуну взгляд, означавший: веди себя прилично.

Тот сделал вид, что не заметил. Отец мечтал сделать из него чиновника, но у самого Тао Ехуна не было к службе ни малейшего интереса, и они с отцом уже не раз сталкивались в словесных баталиях.

Как ты смотришь на отношения свекрови и невестки? — спросил Чу Цзюсюй.

Чу Лань поспешно прикрыл рот рукой, скрывая удивление.

Тао Ехун тоже застыл: Моя мать рассудительна и добра. Если жена будет мягкой и добродетельной, отношения между ними, естественно, будут гармоничными.

Чу Цзюсюй снова спросил: А каковы отношения бабушки и невестки?

Тао Ехун стал еще осторожнее: Бабушка не обладает большим мужеством, но, если она говорит что-то разумное, невестка должна прислушаться. Если же нет — не беда. У бабушки прямолинейный характер, если ее успокоить парой добрых слов, она все забудет.

Чу Лань с изумлением смотрел на Тао Ехуна — он что, учит других, как бороться с домашней старухой? Непочтительный внук!

Чу Цзюсюя ответ устроил. Старая госпожа Тао все же была бабушкой и старшей, и если бы Тао Ехун начал жаловаться на нее, это бы ему не понравилось.

Тао Ехун был не глуп — он сразу понял, почему регент задает такие вопросы, стоило вспомнить о незамужней великой принцессе.

Подумав, Чу Цзюсюй спросил: Если наложница — твоя возлюбленная, а жена с ней не ладит, что ты будешь делать?

Тао Ехун улыбнулся: Наложница — это всего лишь наложница. Как бы я ее ни любил, она не может стоять выше законной жены. Если кто-то ради своей прихоти унижает жену ради наложницы, то такого человека не только регент не оценит, я и сам презираю.

Чу Цзюсюй остался доволен и махнул рукой: Ступай.

Тао Ехун поклонился и вышел.

Как только он исчез, из боковых покоев вышла Чу Юань.

Чу Лань нахмурился: Почему он не сказал, что у него нет любимой наложницы, а есть только жена?

Ты веришь в такие слова? — наставительно сказал Чу Цзюсюй. — Смотри в корень: у Тао Ехуна сейчас нет возлюбленной, а законную жену ему выберут родители. Они едва успеют встретиться, откуда взяться глубоким чувствам? Никто не даст гарантии, что потом у него не появится любимая наложница.

Чу Цзюсюй посмотрел на Чу Ланя: Может, ты сейчас скажешь мне, что всю жизнь будешь любить только одну жену? Если ты будешь менять одну за другой, смотри у меня — ноги переломаю.

У Чу Ланя от страха заныли ноги: хоть он и император, но дядя всегда держал свое слово.

Чу Юань рассмеялась: Дядя, не стоит подшучивать над Его Величеством. Он еще мал и ничего не смыслит в сердечных делах, понятно, что он не все обдумывает.

Почему же дядя тогда все это понимает? — любопытствовал Чу Лань. — Дядя, у тебя что, есть кто-то на примете?

Нет. Я целыми днями с тобой, неужели ты не знаешь, есть у меня кто-то или нет? — недовольно ответил Чу Цзюсюй.

Чу Лань успокоился. В сердце дяди он самый важный, а для него дядя — самый близкий человек. Если дядя не хочет жениться, то и он может не жениться.

Чу Цзюсюй спросил: Ну что, он?

Чу Юань улыбнулась: Пусть дядя решает.

Чу Цзюсюй нахмурился: Старая госпожа Тао...

Дядя, — утешила его Чу Юань, — господин Тао сам сказал: она труслива и прямолинейна. С этим я справлюсь. Меня все же воспитывала бабушка, уж с одной старухой я точно управлюсь.

Тогда пусть будет он, — Чу Цзюсюй дал согласие.

Увидев выходящего Тао Ехуна, Тао Нин спросил: Ты ничего не натворил? Может, мне уже отречься от тебя?

Вот уж отец!

Тао Ехун почувствовал тоску.

Что я мог натворить? Отец, ты слишком плохо обо мне думаешь, — фыркнул он. — Если ты посмеешь отречься от меня, матушка с тобой разведется.

Сорванец! — Тао Нин пнул сына. — Зачем звал Его Величество?

Ничего особенного, просто поболтали о житейском, — Тао Ехун сделал вид, что не хочет обсуждать это.

Одно дело — догадки, другое — результат. Даже если дело выгорит, об этом не стоит болтать, чтобы не испортить репутацию принцессы.

Тао Нин не стал расспрашивать дальше — его сын был нем, как рыба, и если не хотел говорить, его нельзя было заставить.

После банкета в честь великой вдовствующей императрицы дворец погрузился в тишину, а в семье Тао царило ликование: указ был издан, и вскоре ожидалась свадьба с принцессой.

Господин Тао был так счастлив, что хлопал сына по плечу: Не ожидал, что тебе так повезет!

Тао Ехун смотрел на отца, который теперь гордился им, и молчал: если он правильно помнил, именно этот человек постоянно твердил, что отречется от него.

Склад резиденции регента был распахнут настежь. Чу Цзюсюй рылся в сундуках — племянница выходит замуж, он как дядя должен добавить приданого. Личная казна императора была еще беднее, а приданое, которое когда-то принесла с собой великая вдовствующая императрица, давно разделили на три части: одну отдали на приданое Чу Лин, остальные достались Чу Ланю и Чу Цзюсюю.

Глядя на пустые полки, Чу Цзюсюй приуныл: Ван, это все, что у нас есть?

Все, Ваше Высочество, — евнух Ван помедлил. — У старого слуги за эти годы кое-что скопилось...

Чу Цзюсюй перебил его: Твои гроши ты копил всю жизнь, я их не возьму. Придумаем что-нибудь еще.

У резиденции было много владений, но у Чу Цзюсюя было много людей на иждивении, а казна императора была пуста, так что ему приходилось постоянно доплачивать из своего кармана. Последние годы регент жил в долг, так что он был по-настоящему беден.

Чу Цзюсюй поднялся: Идем во дворец.

Зал Минхэ был, как всегда, тих, по нему ползали всевозможные гады. Чу Цзюсюй с тоской смотрел на маленькую серебристую змейку, обвившую его ногу. Цзин У, этот монах, казалось бы, чуждый всего мирского, как он умудрился завести змею, которая вечно лезет к людям?

Евнух Ван потянулся, чтобы снять ее, но Чуньнин была проворна: увернувшись от его руки, она юркнула прямо за пазуху Чу Цзюсюю.

Ваше Высочество! — евнух Ван был в замешательстве.

Чу Цзюсюй, сунув руку за ворот, вытащил змейку, встретился взглядом с ее круглыми глазами-бусинками и почесал подбородок: Ты такая любвеобильная, неужели Цзин У не тот, за кого себя выдает? Снаружи холодный, а внутри полон страсти?

Цзин У, услышав шум, вышел наружу как раз вовремя, чтобы услышать эти слова.

Евнух Ван поспешно прошептал: Ваше Высочество, мы же пришли по делу.

Чу Цзюсюй мгновенно принял серьезный вид: Я просто пошутил. Такой чистый и возвышенный мастер, как государственный наставник, как может быть похотливым? Это другие заглядываются на него.

Евнух Ван: ...

Лучше бы он промолчал.

Цзин У подозрительно замолчал на мгновение: Проходите.

Чу Цзюсюй опустил Чуньнин на пол и последовал за Цзин У в зал.

Цзин У пододвинул Чу Цзюсюю стул, предлагая сесть.

Следовавший за ним евнух Ван: ...

Это же моя работа! Какие еще обиды? Наставник, зачем вы отбираете мою работу!

Цзин У налил чаю и сел рядом: Зачем регент пожаловал к бедному монаху?

Чу Цзюсюй отставил чашку: У наставника нет денег? Одолжите мне двадцать тысяч, а? Обещаю, как только появятся — сразу верну.

Евнух Ван подумал: лучше бы господин не добавлял последнюю фразу, может, тогда наставник быстрее бы дал денег. До сих пор господин не вернул ему ни одного серебряного слитка.

Цзин У встал, прошел в спальню и вскоре вернулся с сандаловым ларцом: Здесь двадцать тысяч в векселях, забирайте.

Наставник — богач! Если бы у меня было хотя бы половина его состояния, я был бы счастлив! — Чу Цзюсюй быстро написал расписку и вручил ее Цзин У.

Тот принял очередную долговую записку и протянул Чу Цзюсюю маленький ларец: На свадьбу принцессы я не приду, это мой подарок, передайте ей, пожалуйста.

Чу Цзюсюй открыл ларец: внутри доверху были насыпаны жемчужины, одна к одной, размером с кончик пальца, золотистые и идеальной формы — целое состояние!

Чу Цзюсюй застыл: он живет в долг, а Цзин У вот так запросто дарит целую шкатулку золотых жемчужин — обидно до слез!

Где наставник берет такие деньги? — спросил он.

Храм Защиты Государства ежегодно получает пожертвования, а я иногда сотрудничаю с людьми в продаже лекарств, — пояснил Цзин У.

Глаза Чу Цзюсюя загорелись: Может, мне тоже постричься в монахи в Храм Защиты Государства? Стану младшим братом наставника, ничего, что в обиде, лишь бы деньги не надо было возвращать.

Цзин У: ...

Ради денег он на все готов!

Евнух Ван был в шоке.

Цзин У ответил: Если уйдешь в монахи, долги придется вернуть вдвойне — чтобы постричься,

нужно оставить все мирское.

Чу Цзюсюй разочарованно протянул: Раз нужно возвращать, тогда не надо.

Чу Юань выдавали замуж с такой помпой, что это можно было назвать пышной свадьбой. Приданого от семьи Тао было немало, добавились дары от великой вдовствующей императрицы, вдовствующей императрицы Чжоу, Чу Цзюсюя и Чу Ланя, да и Жэнь-ванфэй втайне передала немалую сумму. Сохранить скромность у Чу Юань никак не вышло.

После свадьбы покой продлился недолго, и вскоре беда постучала в двери. И не в государственных делах, а в секте Цинсу, которую создал Чу Цзюсюй. Секта занималась зачисткой тех, кто помогал Фань Вэньфану и Чу Фэну в их мятеже. Такие дела не выставляют напоказ, поэтому в глазах мира боевых искусств секта Цинсу снова начала бессмысленно убивать людей.

Неудивительно, что Цинсу причислили к сектам зла. В ней состояло всего несколько сотен человек, все они были искусными бойцами и редко вмешивались в дела мира боевых искусств, поэтому секта казалась крайне загадочной, скорее организацией наемных убийц.

В этот раз неприятности были связаны с тем, что Виллу Красного Клена вырезали до последнего человека, и все улики указывали на секту Цинсу, хотя Чу Цзюсюй был в этом совершенно невиновен.

<http://bllate.org/book/21929/2278350>